

— Что это за безобразия?! Такое уродство я надеть не собираюсь! — возмутилась мисс Фэн, с отвращением разглядывая пухлый, до нелепости громоздкий зимний костюм, сделанный из хлопка с ватой. Она категорически не хотела его надевать. Если уж ехала сюда, то ради того, чтобы покорять мужчин, а не наряжаться в это... мешковатое недоразумение. Разве не должна она выглядеть утончённо, трогательно, как цветущая слива на фоне снегов?

Но Тан Шоу даже бровью не повёл. Голос его прозвучал чётко и бесповоротно:

— Эти костюмы специально сшиты для ледовой забавы. Они амортизируют при падении, защищают от ушибов и вывихов. Кто хочет играть — обязан надеть.

Услышав, что есть риск получить травму, даже юные господа из знатных домов немного попятнулись, начав колебаться.

— Это действительно опасно? — с сомнением спросил Цзинь Цзиньчэн.

Тан Шоу поднял бровь и с хладнокровием парировал:

— На охоте тоже опасно. Но вас же это не останавливает?

— Верно... — пробормотал Цзинь Цзиньчэн и, немного помедлив, решил пойти посмотреть, что же это за забава. Название-то звучит красиво — катание на льду — ну не может же оно быть уж таким опасным, правда?

Две барышни, конечно, остались в стороне — слишком уж хрупкими они себя ощущали. А вот остальные юные господа нехотя, но облачились в громоздкие ледовые костюмы и двинулись за Тан Шоу в задний двор.

И только там, увидев огромную, ровную, заледенелую площадку, у них лица вытянулись. В глазах читалось лишь одно: и мы ради этого ехали через полстраны?.. По льду скользить, чтобы, не дай бог, грохнуться на пятую точку? Не слишком ли это... по-деревенски?

Цзинь Цзиньчэн почувствовал, как лицо у него начинает подёргиваться от неловкости. Это ведь он пригласил всех сюда. А если окажется, что всё это затея ради «поиграть на льду», в столице ему на долгое время обеспечены насмешки и тычки в спину — за глаза, а то и в глаза.

Но Тан Шоу сделал вид, что не замечает ни намёков, ни разочарованных взглядов. Не спеша, он надел специальные ледовые ботинки с металлическими пластинами — самодельные коньки — и, легко ступив на лёд, уверенно скользнул вперёд.

С момента переселения Тан Шоу сам ещё ни разу не пробовал кататься на льду. После того как каток был залит и готов, он специально воздерживался от попыток — боялся, что новость просочится раньше времени. Но теперь, ступив на гладкую ледяную поверхность, он словно

почувствовал, как по телу пробежала дрожь возбуждения. Всё внутри загорелось — азарт, ожидание, знакомое ощущение «сейчас покажу класс».

Правда, самодельные коньки с металлическими полосками всё же отличались от тех, к которым он привык в прошлом. И, как ни пытался держать равновесие, в первый момент всё равно не справился — грохнулся на лёд с оглушительным бах.

Мэн Ю не выдержал и прикрыл рот ладонью, пытаясь сдержать смех:

— Цзиньчэн... ты затащил нас сюда ради этого? Чтобы по льду падать? Это... развлечение?

Но едва он произнёс эти слова, как Тан Шоу резко поднялся и — будто специально, чтобы ударить по самолюбию Мэн Ю — выпрямился, слегка согнул спину, ловко оттолкнулся и легко заскользил по льду. Левая — правая, левая — правая, плавные дуги... А у края площадки он сделал резкий поворот с разворотом, словно в танце, так изящно, будто даже ветер подыгрывал ему в этот момент.

Боже, как же это выглядело эффектно!

Этому он учился ещё в прошлом — чисто чтобы производить впечатление и цеплять девушек. Упор был не на технику, а на внешнюю подачу, на эффектность движений. И, надо признать, удавалось это у него блестяще. В его прежней жизни даже самые избалованные и искушённые девушки, насмотревшиеся на сотни видов спорта, всё равно давали ему прозвище «принц льда».

Теперь же перед ним стояли юные господа, впервые увидевшие нечто подобное. Когда Тан Шоу, завершив круг, плавно остановился перед ними — раздались бурные аплодисменты. Даже та самая мисс Фэн, которая до этого фыркала и презрительно морщилась, теперь смотрела на него с явным восхищением в глазах.

Мэн Ю оказался первым, кто с рвением нацепил коньки — он едва не выскочил на лёд, но Тан Шоу поспешно остановил его:

— Молодой господин Мэн, вам лучше надеть двойные лезвия — они подойдут для новичков.

Но тот с упрямством махнул рукой:

— Не нужно. Ты же катаешься на одиночных — и я буду.

Эта бравада, похоже, заразила всех. Остальные молодые господа из столицы, не ведая, что творят, один за другим выбрали однолезвийные коньки, ведь на них же Тан Шоу так ловко скользил! Только Цзинь Цзиньчэн, уже начавший понимать, что за этим обаятельным «деревенским шуаньэрмом» кроется нечто гораздо большее, чем кажется, благоразумно выбрал

двойные.

Результат не заставил себя ждать. Стоило им ступить на лёд — и тут же: шмяк, бум, бум, вжух — бах! Один за другим, как груши под порывом ветра, они валялись на лёд. Даже подняться толком не успевали — лёд был безжалостен.

Но ведь они — юные господа из знатных домов! Как же это: какой-то деревенский шуангэр — и может лучше них?! Немыслимо! Поэтому, хмуро стиснув зубы, они один за другим упрямо поднимались, снова падали и снова вставали. Всё их естество кричало не сдаваться! — и уж точно не проиграть Тан Шоу.

Наблюдая за этим живописным падением отряда «пингвинов», Тан Шоу не выдержал — махнул Сюн Чжуаншаню, чтобы тот принёс опору.

Скоро на лёд вынесли длинные гладко отшлифованные палки, внизу которых были заострённые железные наконечники. Они легко втыкались в лёд и служили как вспомогательные стойки — нечто вроде лыжных палок, только для катания.

Тан Шоу, с парой таких палок в руках, легко проскользил по льду, словно танцую: лёгкость, устойчивость, уверенность. А тем временем все остальные, сидя на холодной поверхности, с ледяными ушибами и синяками, смотрели на него с выражением чистой, пронзительной обиды.

— У тебя же была такая полезная штука — чего раньше не вынес? — не выдержал один из молодых господ, указывая на ледовые палки.

Тан Шоу пожал плечами, голос у него был ленивый и равнодушный:

— А вы бы и пользоваться не стали.

И ведь правда. Пока не набили шишек, каждый был уверен, что справится без помощи. Только через ледяную боль и задетое самолюбие приходит понимание: а может, действительно стоит послушать?

Теперь, опираясь на ледовые палки, юные господа наконец смогли встать. Более того — смогли даже пройти. Пусть и неуклюже, но уже не на четвереньках и не лёжа.

Прошло совсем немного времени, и вдруг — радостный крик:

— Вы видели?! Я только что поехал! Да так далеко! — возбуждённо закричал Мэн Ю.

Тан Шоу перевёл взгляд и, прикинув расстояние, молча отметил: ну, где-то на два шага Сюн

Чжуаншаня.

Но на краю площадки мисс Фэн и Ли сразу же оживились, звонко поддержав:

— О, как здорово! Мэн-ланцзюнь, вы такой умелый!

Хотя обе обычно вызывали у всех раздражение, сейчас их реакция сыграла свою роль. Ведь перед противоположным полом любой мужчина — даже самый хладнокровный — подсознательно хочет произвести впечатление, выделиться, блеснуть. И дело не в любви — это чистая инстинктивная демонстрация.

Цзинь Цзиньчэн, наблюдая за восхищёнными взглядами в сторону Мэн Ю, прищурился и ревниво пробурчал:

— Ну и что тут такого? Разве он катается лучше, чем Сюн-фулан?

Мэн Ю тут же парировал:

— Зато я уже катаюсь! А ты всё ещё с палочками. Второй господин Цзинь, не пора ли тебе учиться ходить?

— Ха-ха-ха-ха! — дружный смех разнёсся по катку.

Видя, как столичные юнцы вовсю наслаждаются ледовой забавой — кто с трудом держится на ногах, кто уже начинает хвастаться первыми успехами, — Тан Шоу, довольный, махнул рукой и обернулся к Сюн Чжуаншаню:

— Я заранее велел сделать для тебя специальные, побольше размером, коньки. Надевай — пойдём и мы покатаемся.

Сюн Чжуаншаню было двадцать восемь, но в душе он не был похож на сверстников: серьёзный, молчаливый, не склонный к веселью. Рано начавший воинскую службу, он будто бы прошёл через всё — и радости юности давно стерлись в памяти, оставив лишь сосредоточенность, сдержанность и печать прожитых испытаний.

Тан Шоу это понимал. Он знал, что за этой грубоватой внешностью скрывается человек, у которого не было времени и повода почувствовать себя просто молодым. И именно поэтому теперь он особенно хотел вытащить его на лёд — пусть хоть немного ощутит лёгкость, непринуждённость, веселье, которых он был лишён.

Сюн Чжуаншань не стал спорить. Раз Тан Шоу сказал — значит, надо. Он молча надел массивные коньки, взял ледовые палки, как делали остальные, и, немного неуверенно, вышел

на лёд.

Сначала Тан Шоу помог ему, показал пару движений, поддержал, поправил стойку. Но стоило Сюн Чжуаншаню хоть как-то устояться — как Тан Шоу, сам не удержавшись от соблазна, легко оттолкнулся и устремился прочь. По льду он скользил, как ласточка на ветру — лёгкий, свободный, стремительный. Его фигура словно парила, едва касаясь поверхности.

Сюн Чжуаншань не отрывал от него взгляда. Он смотрел, как Тан Шоу, подобно птице, будто вот-вот сорвётся в небо... И в этот миг внутри что-то ёкнуло. Как будто он понял: он ускользает. Как будто сейчас — и он уже не догонит, не удержит.

Пальцы Сюн Чжуаншаня рефлекторно дёрнулись, он инстинктивно шагнул вперёд, будто хотел схватить, удержать — но забыл: он стоит не на ровной земле, а на льду.

Бах!

Огромное тело рухнуло на лёд, раздался глухой звук — и Сюн Чжуаншань с грохотом распластался прямо поперёк катка.

А в этот момент Тан Шоу как раз подкатил обратно. Увидев распростёртого на льду «ледяного медведя», он моментально прыснул от смеха и с весёлым задором описал два круга вокруг него, напоминая злорадного воробья, дразнящего поверженного великана.

— Хахаха! — смеялся он с чистосердечной радостью. Ах, как же это приятно — видеть, как этот всегда суровый Сюн Чжуаншань тоже может упасть!

— Эй, муж, ты ведь обычно такой грозный, а? — весело дразнил Тан Шоу, проскальзывая мимо распростёршегося на льду Сюн Чжуаншаня. — Всё своим здоровенным мясницким тесаком пугал меня — мол, убегу, прирежешь. А теперь что? Ну-ка, давай, поймай меня!

Он нарочито делал круги вокруг Сюн Чжуаншаня, и каждый раз, подбираясь почти на расстояние вытянутой руки, резко отпрыгивал в сторону, отплясывая на коньках, словно юркий снегирь дразнил могучего медведя.

— Ха-ха-ха, ну давай же, поймай! — смеялся он в полный голос, глядя на Сюн Чжуаншаня с искренней мальчишеской радостью.

Но Сюн Чжуаншань смотрел на него неотрывно, взгляд у него был странный — в глубине чёрных, как тушь, глаз будто завихрился шторм. Небо, накотившее грозой. Спокойное снаружи, бурлящее внутри.

В следующий момент он чуть сжал кулаки — хрусь!

Две ледовые палки, которые он держал, разлетелись пополам, треснув под его силой.

Когда Тан Шоу в очередной раз подкатывал к нему, смеясь, Сюн Чжуаншань спокойно показал ему обе руки, как бы оправдываясь:

— Сломались.

— ...

Ты... ты их просто... переломил?! — Тан Шоу в изумлении уставился на обломки. Он-то делал их специально — шлифовал, укреплял. А этот дикарь в одно движение превратил всё в хлам.

Конечно, он вспомнил — у него всего несколько комплектов. Часть оставлена для столичных гостей. Если этот бугай ещё парочку так «случайно» переломает, кататься будет не на чём.

Стиснув зубы, он развернулся, сердито подскользнул к Сюн Чжуаншаню и буркнул:

— На. Держись за меня. Я тебя покатаю. Только не смей больше трогать мои палки.

— Ага, — кивнул тот, протянул руку и, когда пальцы сомкнулись с пальцами Тан Шоу, вдруг глухо сказал:

— Я поймал тебя.

— Что?.. — Тан Шоу ошеломлённо распахнул глаза.

А Сюн Чжуаншань смотрел на него самым серьёзным взглядом и, как ни в чём не бывало, глухо, но твёрдо повторил:

— Разве ты не говорил мне поймать тебя? Я — поймал.

С этими словами он слегка сжал пальцы, и Тан Шоу, не удержав равновесие, прямо-таки влетел в его объятия. А Сюн Чжуаншань, сам еле стоя на льду, конечно же, не смог удержать и их обоих. Они грохнулись. Но, падая, Сюн Чжуаншань развернулся, инстинктивно прикрыв Тан Шоу своим телом — как щит. Вся тяжесть пришлась на него.

В итоге Тан Шоу, хоть и испуганный, вовсе не ушибся. Только оказался полностью зажат в объятиях этого мрачного ледового медведя, будто в клетке из живого железа.

— Видишь? Теперь я точно тебя поймал, — прозвучал у него над ухом довольный голос. — Прямо в свои объятия.

Тан Шоу: ...

Кто ты и что сделал с тем нелюдимым бугаём, которого я знаю?! Где угрюмый, молчаливый мясник, у которого даже брови двигаются раз в день? Кто этот наглый флиртующий плэйбой?!

На краю катка всё застыло. Зрелище потрясло даже бывалых. Цзинь Цзиньчэн и столичные молодые господа замерли на месте с отвисшими челюстями. Даже крикливые барышни замерли.

Мэн Ю первым пришёл в себя:

— Так можно было?

Цзинь Цзиньчэн потер подбородок и, явно задумавшись, пробормотал:

— Оказывается, можно... — потом с сожалением вздохнул: — Эх, надо было и мне позвать Тан Сяо-нян. Вот был бы момент!

— Ты только представь: она делает первый шаг на лёд, теряет равновесие, а я — раз! — и ловлю её! Как герой, как спаситель! Да после такого она бы в меня влюбилась!

И пусть непонятно, влюбилась бы или нет — но уж что точно: ледовый каток в деревне Синьхуа внезапно стал местом для самого романтического легитимного физического контакта в радиусе сотни ли.

— Теперь ясно, как этот грозный мясник смог угодить такому нежному красавцу-шуаньэру... — покачал головой один из молодых господ. — Ай да мужик. Глубокий у него план, ох, глубокий.

Тан Шоу, едва выбравшись из объятий «ледяного медведя» и поднявшись с катка, натолкнулся на странную картину — все столичные господа стояли по стойке «смирно» и буквально прожигали его взглядами. Притом вовсе не с осуждением, а с таким выражением, будто пытались разобрать по косточкам: Как? Где? В какой момент схватил? — и главное, как повторить?!

Он, раздражённо сощурившись, в ответ щедро наделил каждого недовольным взглядом: Нечего пялиться!

А тем временем за забором уже собирались зеваки. Среди них был сосед с ребёнком. Он просто хотел посмотреть, что за шум и смех доносится с заднего двора. Но только увидев сцену «двойного падения в объятиях», быстро прикрыл своему сыну глаза — уж слишком откровенно и не по-детски выглядела эта сцена на льду.

Но не тут-то было.

— Отец! Отец! Я тоже хочу играть!

Детвора из деревни, увидев, как взрослые с визгами и восторгом скользят по блестящему льду, мгновенно заорала в один голос. Загорелись глаза, зачесались руки — желание влезть на лёд зашкаливало.

Мужики из деревни почесали затылки — каток-то построен, лёд прочный, уж дети точно не развалят. Это ведь не еда и не торговый товар, чего жалеть-то. Но по правилам — земля-то теперь частная, куплена Тан Шоу. И потому, как положено, они вежливо спросили:

— Эй, Сюн-фулан, детвора играть просится, можно пустить их? Мы без коньков, без палок, просто — поползать да покувыркаться.

Но вопреки ожиданиям, Тан Шоу, обычно мягкий и словоохотливый, резко и без колебаний отказал:

— Нельзя.

— А?! — мужики даже оторопели. Обычно этот шуаньэр всем идёт навстречу, а тут — словно отрезал. Они-то уже почти детей запускать собирались.

А дети, не дожидаясь позволения, начали рваться на лёд. Один мальчишка, не в силах терпеть, с радостным воплем вырвался из-под руки отца и со всех ног метнулся к катку.

— Мне всё равно, я хочу играть!

Он сразу же с разбегу начал скользить по льду, совсем не обращая внимания ни на других, ни на опасность. А в этот момент Мэн Ю как раз набрал скорость и мчался прямо по траектории мальчишки. Скользящие палки он уже отбросил, тормозить было невозможно — и он налетел на ребёнка.

— А! — пронёсся визг, и мальчишка, конечно, не выдержал удара — его опрокинуло на лёд.

В панике отец рванулся на каток, схватил сына на руки. Тот разразился пронзительным плачем, а изо рта у него сочилась кровь — один из передних зубов был напрочь выбит. К счастью, других серьёзных повреждений не оказалось.

Мэн Ю же, хоть и остался почти цел, выглядел мрачно. Он оказался втянут в ситуацию, к которой был абсолютно не готов, и чувствовал себя так, словно на него с крыши свалился горшок.

— Что происходит? — раздражённо бросил он. — Почему тут вдруг оказался ребёнок? Он ведь даже без ледовой одежды и шапки! Это что, игра такая — разбиться посреди катка?

Отец мальчика, уже осознавший, что его сын устроил настоящий переполох, начал понимать: ситуация совсем не та, что он себе представлял. Это место — вовсе не просто замёрзшая лужа, на которую можно просто пустить детей побегать. Он с мольбой посмотрел на Тан Шоу, надеясь, что тот как обычно сгладит углы и выручит перед важным столичным гостем.

Но Тан Шоу даже не взглянул на него. Его лицо было холодным и жёстким, и от прежней мягкости не осталось и следа.

— Я ведь уже сказал — нельзя, — спокойно, но твёрдо произнёс Тан Шоу. — Ты понимаешь, насколько скользко на льду? Тут взрослые-то с трудом удерживаются, а твой ребёнок вылетает, как сумасшедший. Ты вообще осознаёшь, насколько это опасно? Ладно, твой сын — он сам виноват. А если бы он врезался в кого-то из столичных господ или благородных девушек, кто за это бы отвечал? Ты бы смог выплатить компенсацию?

— Я... я не думал, что... — пробормотал растерянный крестьянин.

— Вот именно — ты не подумал, а я подумал. Поэтому и сказал: нельзя. Это мой ледовый каток. Я его не для забавы строил, а чтобы зарабатывать. Ты вообще в курсе, что они платят за катание? Один час — двадцать вэнь. Ты готов выложить двадцать вэнь, чтобы дети просто покатались?

У мужика задрожали губы.

— Д-двадцать?..

— Разумеется. Или ты думал, я землю за просто так купил, людей наяр, воду носил, лёд лил, чтобы вам весело было?

Услышав, что за пару минут скольжения по льду нужно заплатить двадцать вэнь, мальчик в его руках замер. Даже забыл, что только что плакал. Каким бы несмышлёным он ни был, он прекрасно знал: без денег в семье не будет еды. Деньги — это жизнь.

Глаза крестьянина покраснели, он разозлился, вскинул руку, собираясь отшлёпать сына. Но Тан Шоу даже не пошевелился, чтобы остановить.

— Своего ребёнка — бей или не бей, это твоё дело. Но раз уж он едва появился на льду и тут же свалился — за само катание я денег не возьму. Однако он напугал столичного господина, врезался в него. А это уже другое. Так что вопрос с компенсацией решай сам.

— Раз уж вы пришли на мой ледовый каток, я обязан отвечать за безопасность всех, кто здесь

играет, — отчеканил Тан Шоу, голос его был твёрд и бескомпромиссен. — А поступок твоего ребёнка — самовольное вторжение, и если бы дело дошло до разбирательства в ямене, вся вина легла бы только на вас.

Компенсация столичному господину?.. Да у крестьян из деревни и медной ломаной монеты не наскрести на такой случай! Мужик, побледнев, задрожал, рука, с которой он собирался шлёпнуть сына, повисла в воздухе. И сам мальчишка оцепенел от страха, впервые по-настоящему осознав, что его шалость обернулась бедой.

Тем временем Тан Шоу повернулся к Мэн Ю и уже официальным тоном, ровным и деловым, проговорил:

— Молодой господин Мэн, за сегодняшний инцидент вся ответственность лежит на мне. Я обязательно дам вам удовлетворительное объяснение. Скажите, как вы хотите, чтобы я поступил?

Это было вовсе не жестокосердие с его стороны. Просто — без правил не бывает порядка. Если сегодня он всё «спустит на тормозах», завтра на лёд выскочит другой ребёнок, послезавтра — ещё кто-то. Сегодня всё обошлось. А если завтра не обойдётся? Что важнее — перелом у деревенского ребёнка или серьёзная травма у столичного господина или барышни?

Мужик стоял, сжав кулаки, в глазах стояли слёзы. Он не знал, что делать. Но Мэн Ю, посмотрев на него, сжалился. Всё-таки он не пострадал, а наказывать бедного крестьянина за глупость ребёнка было бы излишним.

— Ладно, — поморщившись, сказал он. — На этот раз обойдётся. Но чтобы это был последний раз, понял?

Мужик будто из петли вырвался. Кивнул, закинул сына на плечо и, не оглядываясь, бросился прочь, словно опасаясь, что кто-то передумает и окликнет его назад.

Тан Шоу, бросив взгляд на толпу зевак, которые до сих пор не расходились, вскинул подбородок и громко объявил:

— Раз уж так, говорю всем и сразу: кто хочет кататься на льду — милости прошу. Катание — двадцать вэнь за час. Без исключений, ни для кого. Увижу, что кто-то играет без оплаты — будь то взрослый или ребёнок — взыщу по всей строгости. Кто не согласен — дорога в ямен открыта, будем говорить по закону.

Все в деревне уже знали, что теперь у семьи Сюн тесные связи с чиновниками из ямена, а это значило, что шутки с ними плохи. Кто посмеет лезть на рожон? Услышав строгие слова Тан Шоу, зеваки мигом разбежались, будто вспугнутые воробьи.

Вернувшись по домам, каждый первым делом крепко-накрепко наказал своим детям: ни ногой к ледовому катку у дома Сюн, ни в каком виде. Игра за двадцать вэнь в час — деревенским людям она не по карману, пусть остаётся для молодых господ из богатых домов.

<http://bllate.org/book/13592/1205376>